

Малая родина – большая любовь: сборник прозы и поэзии жителей Ординского района: вып. 2 / Сост. Г.П.Феденёва, И.И.Тимофеева; МБУ «Межпоселенческая центральная библиотека» Ординского муниципального района. – Орда, 2018. – 28 с.

«...Откуда я? Я из страны моего детства» - это строчки из письма Антуана Сент-Экзюпери к своей матери. Как точно сказал великий писатель, мы все родом из детства!

Основу второго выпуска сборника составляют воспоминания, рассказы, стихи жителей района о своей малой родине. Здесь также, как и в первом выпуске щемящее ностальгическое чувство любви, нежности, сердечности, сопричастности к происходящему читается в каждом слове, в каждой строчке.

В качестве иллюстраций к тексту и на обложке использованы репродукции картин местного самобытного художника Владимира Басанова.

Евгений Носов

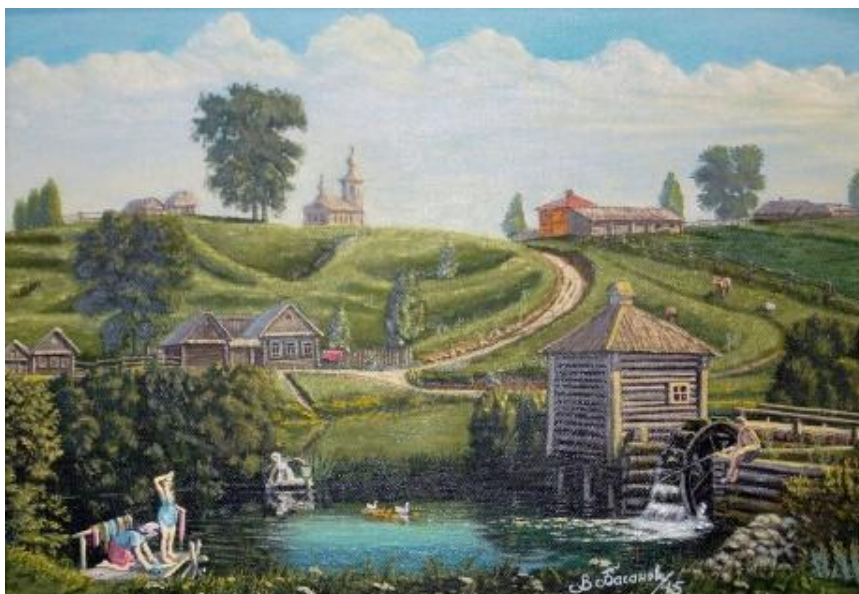
Малая родина

Вот пишут: малая родина... Что же это такое? Где её границы? Откуда и докуда она простирается?

По-моему, малая родина — это окоём нашего детства. Иными словами, то, что способно объять мальчишеское око. И что жаждет вместить в себя чистая, распахнутая душа. Где эта душа впервые удивилась, обрадовалась и возликовала от нахлынувшего восторга. И где впервые огорчилась, разгневалась или пережила своё первое потрясение.

Тихая деревенская улица, пахнувший пряниками и кожаной обувью тесный магазинчик, машинный двор за околицей, куда заманчиво пробраться, тайком посидеть в кабине ещё не остывшего трактора, потрогать рычаги и кнопки, блаженно повздыхать запах наработавшегося мотора; туманное таинство сбегающего под гору колхозного сада, в сумерках которого предостерегающе постукивает деревянная колотушка, гремит тяжёлой цепью рыжий репыстый пёс. За садом — змеистые зигзаги старых, почти изгладившихся траншей, поросших терновником и лещиной, которые, однако, и поныне заставляют примолкнуть, говорить вполголоса... И вдруг, снова воротясь к прежнему, шумно, наперегонки умчаться в зовущий простор луга с блёстками озерков и полузаросших стариц, где, раздевшись донага и взбаламутив воду, майкой начерпать в этом чёрном киселе чумазных карасей пополам с пиявками и плавунцами. И вот наконец речушка, петлявая, увёртливая, не терпящая открытых мест и норовящая улизнуть в лозняки. И если не жалеть рубах и штанов, то можно продраться к старой мельнице с давно разбитой плотиной и обвалившейся кровлей, где сквозь обветшалые мостки и в пустые проёмы буйно бьёт вольный кипрей. Здесь тоже не принято говорить громко:

ходит молва, будто и теперь ещё в омуте обретаётся мельничный водяной, ветхий, обомшелый, и будто бы кто-то слышал, как он кряхтел и отдувался в кустах, тужась столкнуть в омут теперь уже никому не нужный жёрнов. Как же не пробраться туда и не

посмотреть, страшась и озираясь, лежит ли тот камень или уже нет его... За рекой — соседняя деревня, и забредать за реку не полагается: это уже иной, запредельный мир. Там обитают свои вихрастые окоёмщики, на глаза которых поодиночке лучше не попадаться... Вот, собственно, и вся мальчишеская вселенная. Но и того невеликого обиталища хватает с лихвой, чтобы за день, пока не падёт солнце, набегаться и навпечатляться до того предела, когда уже за ужином безвольно начнёт клониться опалённая солнцем и вытрепанная ветром буйная молодецкая головушка, и мать подхватывает и несёт исцарапанное, пахнущее рогозом и подмаренником, обмякшее чадо к постели, как с поля боя уносит павшего сестра милосердия. И видится ему сон, будто взбирается он на самое высокое дерево, с обмирающим сердцем добирается до вершинных ветвей, опасно и жутко раскачиваемых ветром, чтобы посмотреть: а что же там дальше, где он ещё не бывал? И вдруг что-то ломко хрустит, и он с остановившимся дыханием кубарем рушится вниз. Но, как бывает только во снах, в самый последний момент как-то так удачно расставляет руки, подобно крыльям, ветер упруго подхватывает его, и вот уже летит, летит, плавно и завораживающе набирая высоту и замирая от неопишуемого восторга. Малая родина — это то, что на всю жизнь одаривает нас крыльями вдохновения.

Александр Астафьев

Домик на пригорке,
Светится окно.
Приоткрыты шторы,
Ждут меня давно.
Старенькая мама,
Щурится, глядит.
Покосилась рама,
От окна сквозит.
Только я не еду,
В городе дела.
Совещание в среду.
Дочка родила.
Жизнь совсем другая,
Все спешат, бегут.

Подожди родная,
Отпуск мне дадут.
Я к тебе приеду,
Починю окно.
Загляну к соседу,
Прихвачу вино.
Будешь ты сердиться,
Снова не с тобой.
Вновь тебе не спится,
Где сыночек твой.
А я снова в детство,
Прыгну с головой.
Есть для счастья средство,
Это путь домой.

*Астафьев Александр Михайлович: 1954 г.р. Образование среднее. Окончил Ординскую среднюю школу в 1971 г. Живёт в г. Чайковский. Член литобъединения "Радуга" при газете "Огни Камы".
О себе: Увлечение - рыбалка. Шесть внуков. Счастлив! Скучать некогда.*

Прости меня, малая родина,
с поникшей стою головой.
За то, что оставив однажды,
не часто встречался с тобой.
Я помню, как билось сердечко,
когда возвращался домой.
Но вот времена наступили,
и дом этот больше не мой.
Я только во снах в нём бываю,
встречаю как прежде отца.
Всё также сибирская лайка,
сидит у родного крыльца.
Как прежде, живые соседи,
кивают в ответ головой.
Смотрю я на окна родные,
давлюсь подступившей слезой.
Прости меня, малая родина,
с поникшей стою головой.
Всё так же, как в детстве осталось,
но дом этот больше не мой.

Отчий дом, с завалинкой у бани.
Со всей округи собиралась детвора.
Тащили в горку за собою сани,
А летом парами сидели до утра.
Под горкой лог, где тополя шумели,
Потоком шла весенняя вода.
И ближний лес, где вековые ели,
Картошку печь спешили мы туда.
Тропой знакомой прибежали к речке,
В заливах удочкой ловили пескарей.
Зимой коньки, а после к русской
печке,
Спиной прижаться торопились
поскорей.
Прошли года, лога позарастили
Не так бежит весенняя вода.
Кататься с горки дети перестали,
Как прежде рыбку не поймаетшь
из пруда.

А.Астафьев

Игошева Любовь Макаровна

Моей малой родиной является весь Пермский край

Родилась я в районном центре Сива. В Сивинском районе проживало много староверов. У них были свои порядки, свои правила поведения очень строгие. У них не разрешалось употреблять алкоголь, курить, ходить в клуб, в больницу и т.д. Мои бабушка и дедушка тоже были староверы и все порядки строго выполняли, поэтому жили долго. Дед дожил до 103 годов и ни разу не бывал в больнице. В нашей семье уже не соблюдались староверские порядки. Папа был коммунист и этим всё сказано, мы уже были и пионерами, и комсомольцами. Сива – моя малая родина, но не пришлось мне хорошо её узнать. Девятилетним ребёнком увезли меня родители из Сивы, так что воспоминания мои о ней скудные. Помню только, что жили мы на улице Садовой, которая одним концом упиралась в старый сад. Там росли старые липы, в саду из-за них было пасмурно, слышался шум листвы. В глубине сада была небольшая часовня. Дальше мы с сестрой даже и не ходили, потому что были ещё малы и нам не разрешалось уходить далеко от дома.

В школу я пошла в 1944 году. Первый класс размещался в старинном каменном доме и было там всего два класса на первом этаже, а на втором

этаже размещалась какая-то контора. Во втором классе нас перевели уже в настоящую школу. Она была деревянная, двухэтажная, большая. Стояло два одинаковых деревянных здания и в обоих размещалась школа. В одной начальные классы, а в другой – старшие. В классе было очень холодно, мы совсем не раздевались, так и сидели в пальто и варежках. В коридоре стоял бачок с водой и возле него всегда лужа, которая покрывалась льдом. Окна были заколочены фанерой или картоном, чтобы не так сильно задувало. Почему было так, я не знаю. Может руки не доходили до школы, шла война. Я училась в разных других школах, но больше нигде такого не было.

Ещё в Сиве я помню, как солдат отправляли на фронт. Около старого сада стояли две грузовые машины и на них садились мужчины с вещевыми мешками, женщины обнимали их, плакали, не отпускали их от себя, давали им на руки маленьких детей. Мы были ещё малы, но глядя на всё это, тоже плакали. Мужчины отталкивались и быстрее садились в машины. Машины уехали, а толпа всё стояла на дороге и не расходилась. У нас дома на стене висела карта СССР и на ней папа маленькими флажками отмечал города, которые освобождались от немцев. Папа не был на фронте, он инвалид по болезни, у него парализована нога. Ещё помню, как мама по вечерам уходила к магазину занимать очередь за продуктами. Очередь занимали с вечера. Хлеб продавали по карточкам. В хлеб добавляли отруби.

Из Сивы мы уехали в 1945 году уже после победы над Германией. Родители посчитали, что в деревне прожить будет легче, и переехали в село Серафимовское Сивинского района. Послевоенные годы были тяжёлые. Мама работала в колхозе. На трудоводень давали очень мало зерна. Его ещё надо было самим смолотить на маленькой каменной меленке. Меленка – это два камня перетирают зерно, когда их крутят друг о друга. В такую муку вместе с мякиной добавляли листья лебеды или листья липы и пекли хлеб. А в школе нас кормили похлёбкой, которая была сварена из картошки и горстки муки. Давали ещё по кусочку хлеба. Но он был колючий, потому что пекли его вместе с мякиной. С такого хлеба болел живот. В Серафимовске я проучилась 2 и 3 класс. В школе было тепло, светло, но мало учеников. В нашем классе было всего 7 человек.

Наша мама работала дояркой в колхозе, иногда в поле жала, косила траву, пасла овец, лошадей, гоняла овец на станцию сдавать государству на мясо. Я иногда ей помогала, вместе с ней пасла овец, коров, ходила сторожить лошадей. Иногда дежурила с ней на сушилке. Внизу была большая печь, а над ней железный навес, на который насыпали зерно. Печь топилась, железо нагревалось, и зерно сохло. Его надо было перемешивать деревянной лопатой, чтобы не пригорело. Работа ответственная, но мы справлялись. Ещё я помогала ухаживать за лошадьми. Их надо было напоить и задать корма.

Из Серафимовска мы переехали в Лысьву. Там я училась в 4 классе. Жить уже было получше. На карточки можно было купить рыбу или сахар. Мы садили картошку и даже немного продавали, чтобы купить чего-нибудь другое, например, конфеты подушечки.

Из Лысьвы мы уехали в село Черновское. Папу переводили с места на место, потому что он хорошо работал и его ставили туда, где дела обстояли хуже. Он работал в райфо. В Черновском мы прожили четыре года. В магазинах уже можно было купить продукты свободно. В Черновском школа была большая деревянная, детей в классах было много.

В Орду мы приехали в 1952 году. Орда сразу понравилась своим сквером в центре села. Там росли акации и сирень. Всё было в цвету. Вся сознательная жизнь, можно сказать, прошла в Орде. Здесь окончила школу, работала, вырастила детей.

Моей малой родиной, конечно, является Сива. Мне всегда хотелось съездить туда, узнать село поближе, познакомиться с историей, людьми. В 2017 году вместе с дочерью и зятем я туда съездила. И оказалось, что я совсем не так её себе представляла, всё не так как в моей памяти. Даже улица Садовая выглядит не так, и дома нашего там нет. Мне показалось, что я никогда там не бывала. Конечно, мне интересно узнавать что-то о Сиве, районе, достижениях, успехах людей, событиях. Меня это волнует, задевает, но переезжать туда жить я бы, наверное, не стала. Орда мне теперь ближе, дороже, роднее. И следует признать, что моей малой родиной является весь Пермский край.

*Игошева Любовь Макаровна: 01.09.1936 г.р., с. Сива.
Образование: среднее специальное. Стаж - 45 лет в
школьной библиотеке.*

Владимир Басанов

Мера разлуки

Я разлуку меряю шагами	Меряю её до самой встречи
Робкими по комнате пустой,	Сердца с сердцем, чтоб щека к щеке,
Валидолом меряю, часами,	Чтоб не сразу ты смогла заметить
Бьющими за тоненькой стеной.	Волос побелевший на виске.
Меряю её воспоминаньем	Вот какая у разлуки мера –
Смеха со слезинками в глазах,	Заслоняет сразу целый свет.
Тихим кашлем,	Без тебя - огромного размера!
утренним дыханьем,	А с тобой глядишь - её и нет...
Солнышком, застрявшим в волосах.	

22.03.2018.

Маме

Сгущается зимняя темень,
Мерещится кто-то в углу,
У печки, намаявшись, дремлет
Котёнок на красном полу.
Ты крутишь свое веретёшко
И голос так нежно журчит,
А месяц рогатый в окошке
За черной куделей стоит.
Я слушаю все твои сказки
О жизни, судьбе и любви,
Легко уносясь без опаски
В чудесные годы твои.
Поднялся уж месяц немножко,
Я всё продолжаю летать,
Но слышу, как ты осторожно
Относишь меня на кровать.
И снятся мне бабки да дедки,
Не знаемы мной наяву,
Как будто действительно где-то
Я с ними со всеми живу.
Давно тебя нету на свете
И знаю, что ты не придёшь...
Но месяц тот светит и светит,
А ты все прядёшь и прядёшь...

06.03.2018.

Дядя Ваня

Опускается вечер зелёный,
Легкий дождь моросит на пруду,
В камышах, отбивая поклоны,
Цапля мокрая ищет еду.
На завалинке старенькой бани,
Наблюдая вечерний покой,
С козьей ножкой сидит дядя Ваня,
Улыбается, будто хмельной.
И глаза его светятся счастьем -
Снова дожил до летних деньков,
Тузик старенький, клацающая пастью,
Отгоняет зануд комаров.
За деревней кукует кукушка,
Вышли рыбу ловить угланьё,
А на плотике шатком старушка
На коленях полощет бельё.
Луч закатный, как красный
прожектор,
Обагрил все вокруг из-под туч,
Кто-то с флягой на тачке проехал
За водою на мельничный ключ.
Внучка нянчит кота, напевая,
Из окна вслух считает сосед -
Дяде Ване кукушка шальная
Нагадала еще тридцать лет.

14.06.18.

Басанов Владимир Михайлович:
16.12.1958., д. Казаково. В 1976 г.
окончил десять классов Ординской
средней школы. Работал связистом,
электриком, столяром. Любимое
увлечение: резьба по дереву,
рисование. Живописью увлёкся с 2006
года. Пишет маслом. Основой для
сюжета картин служат детские
воспоминания. В семье хорошо
рисовали мама и старшая сестра.
Живёт в с.Орда.

Утро

Утро деревенское,
Тишь да благодать,
Церковку Успенскую
Из окна видать.
Солнышко румяное
Встало от земли,
Рано тятя с мамою
На поле ушли.
Старенькая бабушка
В тесном закутке
Завела оладушки
На печном шестке.
Тоненькая свечечка
Греет образок,
На окошке с вечера
Бьется мотылек.
А на стенке ходики,
Глядя на кровать,
Шепчут мне тихонечко,
Что пора вставать.
Ах ты, детство милое,
Сладкая пора,
Как давно ты минуло,
Будто бы вчера.

7.12.16.

Наталья Каравашкова Приплыли

Начало мая выдалось тёплым и сухим. В воскресенье, в День победы, родители ждали гостей. Мама вкусно накормила ребят пирогами, и мальчишки куда-то скрылись.

Натка в честь праздника была наряжена, как на бал: сшитое мамой гипюровое белое платьице, белые носочки, белый бант. Из комода извлекли синие туфельки, сберегаемые для торжественных случаев. На голову дочке мама повязала свой капроновый белый шарфик, на концах его синим были изображены гимнастки, которые лентами прочерчивали синие же полосы по всему шарфу. Натке шарфик, пахнувший духами «Красная Москва», казался символом взрослой, красивой жизни, она ощущала его на голове, почти как корону. Немножко портила вид старая,

с заплатками на локтях кофточка, надетая сверху для тепла. Но на фоне остального великолепия на это можно было не обращать внимания.

Под строгий наказ «гулять около дома» Натка выплыла на крыльцо, потом, расстегнув кофточку, за калитку. Как назло на улице некого было поражать праздничным нарядом и у Рябинкиных на двери висел замок. Детские голоса слышались где-то за огородами. Легко уговорив себя, что это тоже около дома, Натка осторожно по досочкам пробралась среди грядок. Сразу за огородами находился пруд. Его специально выкопали бульдозером в конце прошлого лета, чтобы в случае пожара брать воду. Пожарный водоём получился довольно большим, и до холодов ребята успели в нём несколько раз искупаться. Правда, из-за глинистого дна вода там была жёлто-коричневой. Но кого останавливают подобные мелочи!

...Нынешней весной Наткин брат Лёня и старший из мальчишек Клестовых Сашка в ожидании купального сезона решили поплавать по водоёму на плоту. Недолго думая, они прикатили к пруду четыре бревна, приготовленные кем-то из соседей на столбики для забора. На них

поперёк здоровенными гвоздями приколотили доски. Для крепости брёвна соединили ещё металлическими скобами. Младшие ребяташки в предвкушении, как комары, толклись вокруг мастеров и время от времени спрашивали:

- А меня покатаете?

- А меня? А меня? – тут же раздавалось со всех сторон.

- Всех покатаем, - солидно отвечали «кораблестроители», - только по очереди.

Гвозди и скобы из домашних запасов отцов позаимствовали братья умельцев – Генка Федякин и Колька Клестов. Поэтому в очереди на плавание они значились первыми. Рядом в лесочке Лёня вырубил длинный прочный шест, обтесал его. Наконец плот столкнули на воду и опробовали сами мастера. Остальные с восторгом и нетерпением следили, как плот медленно скользит по воде вдоль пруда сначала в одну сторону, потом обратно. Очередь беспокоилась. И не зря. Приближался вечер. Почти одновременно ребят стали звать домой. В общем, поплавать пассажирами

успели только Генка и Колька. Следующими в очереди были Натка с Ольгой Рябинкиной. Они уговаривали Лёню задержаться немного и прокатить их хотя бы до середины пруда и обратно. Наседали и другие желающие. Лёня с Сашкой отбивались от них обещаниями, что завтра начнут плавать на плотике с самого утра. Немного успокоенные ребята разошлись.

Однако хозяин брёвен буквально через полчаса обнаружил недостачу и пришёл к Федякиным жаловаться. Отец отвесил Лёньке с Генкой по подзатыльнику и отправил разбирать плот. Ужинать сели без мальчишек, у Натки от огорчения тут же пропал аппетит.

Напрасно говорят: «Ломать – не строить!». С поломкой надёжно скреплённого плавательного средства мальчишки не справились. Об этом робко сообщил зарёванный Генка. Выдернуть скобы и гвозди смогли только отец с дядей Ваней Клестовым. При этом брёвна треснули, от них откололись щепки и большие куски. Вернувшись с мальчишками домой, отец устало опустил на табурет, поставил сыновей перед собой и припомнил им все прегрешения и урон, нанесённый хозяйству: погнутые гвозди и скобы; доски, которые «для дела!» сушились под крышей, а весной, мокрые и грязные, вытаяли на грядках.

- Зато с потолком из этих досок такая потрясающая землянка была в сугробе, даже с подземным ходом! – вздохнула Натка.

После упоминания каждого проступка раздавался вопрос:

- Вы у кого-нибудь спросили разрешения?

Братья только мотали головой, сопели да всё чаще шмыгали носами. Когда дело дошло до испорченных чужих брёвен, Наткины всхлипы в детской комнате присоединились к Генкиным и Лёнькиным. Отец удивился:

- Ты-то чего ревёшь?!

- На плоту даже не покатались, - простодушно пролепетала девочка.

- Тьфу! – отец вскочил. - Завтра с утра выходите с двуручной пилой. Из наших брёвен, которые привезли на дрова, напилите и верните соседу столбы! – сурово приказал он сыновьям и ушёл в спальню.

... После этих печальных событий пруд для Натки вот уже неделю был местом несбывшихся желаний. Взобравшись на поперечинку забора, она дотянулась до повертушки, открыла калитку и вышла за огород. Девчонки Закировы и Рябинкины в обычных домашних платьицах стояли на дальнем берегу пруда и с увлечением бросали в воду камешки.

- Я попала, попала! – запрыгала радостно Галя.

- Я тоже! Он уже близко! – крикнула Ольга.

Быстроногая Венерка с какой-то веткой в руке кинулась обегать пруд, приговаривая:

- Сейчас я его вытащу.

Её догнала Ольга и потребовала:

- Дай мне, я сама.

Они почти натолкнулись на принаряженную Натку и остановились.

- Вы что, в город собрались? – спросила Ольга.

- Нет, просто сегодня праздник, - так и не дождавшись восхищения, растерянно произнесла Натка. Услышав недоверчивое хмыканье, она добавила:

- К нам гости сейчас придут.

- А-а! – понимающе протянула Ольга. – Мама с Зиной тоже в гости ушли.

Венера пробежала ещё немного вдоль берега, погребла веткой по воде, ухватила что-то и гордо сообщила:

- Вот он!

В руке она держала шест – единственное напоминание о плоте, погибшем от несправедливости взрослых.

- Жалко плот, - пригорюнилась Натка, - и наша очередь уже подошла...

- Ничего, - успокоила Ольга, - сейчас сами поплаваем.

Она огляделась и скомандовала:

- Надька, тащи сюда!

В сторонке стояло обыкновенное цинковое корыто.

Натка засомневалась:

- А разве на нём можно?

- Конечно! Оно ведь как лодка, - учительским тоном заверила Ольга.

Оттолкнуться с мелкого места не удалось. Перешли на другой берег, где было глубже, а из воды очень удобно торчал большой камень.

- Сейчас я в корыто встану, шестом упрусь, чтоб не двигалось, за мной Венерка, потом Натка, - распорядилась Ольга. – Галю с Надей прокачу во вторую очередь.

Ольга и Венера загрузились успешно. Но едва на борт ступила Натка - корыто пошло ко дну. Тонули девчонки без жалоб и криков, гордо и прямо стоя на «палубе», как и положено настоящим морякам. Не потому, что были такими отважными. Просто испугаться не успели. Раз – и они уже по пояс в холодной коричневатой воде! Повезло, что у камня оказалось не очень глубоко: плавать никто из них не умел. Потерпевшие кораблекрушение уныло побрели к берегу.

- А корыто? – воскликнула Ольга. – Давайте его вытащим и ещё раз попробуем вдвоём. Втроём, видно, тяжело было!

Но холодная вода остудила всякое желание плавать. Да и свою цинковую «лодку» они достать не могли, как ни старались. Надя с берега обвинила их в притворстве: она-то, дескать, поднимала корыто, даже одной рукой.

- Иди, попробуй! – предложила Венера.

Надя разделась, и, вчетвером облепив затонувшее корыто, словно муравьишки гусеницу, они ещё раз попытались его вытащить. Напрасно.

Мокрые и замёрзшие вылезли на берег. Разделись до трусиков. Как сумели, выжали одежду и повесили на забор сушиться. Подбадривая друг друга, грелись, делая зарядку.

Рябинкины посовещались и решили: отмолчаться о судьбе корыта не удастся. Единственная возможность его спасти, чтоб не узнала мама, - потихоньку попросить отца.

- Точно! – оживилась Ольга. – Скажем, что хотели помыть, а оно утонуло.

Она ещё немножко попрыгала вместе с остальными и побежала домой переодеться, пообещав дрожащим Натке и Венере принести старое одеяло. Те приободрились, затеяли с Надей и Галей игру в «пятнашки».

Издали слышался голос бабушки Закировых, которая звала внучек по именам. Девчонки присели, спрятавшись у забора.

- Попадёт! – тоскливо произнесла Венера.

Натка посмотрела на пожелтевшее от глинистой воды платье и, стуча зубами, промычала: - Угу!

Время шло, одежда оставалась такой же мокрой, и Ольга всё не возвращалась. Венера с Галей позвали Натку незаметно пробраться к ним в баню. Её вчера топили, там тепло, платья высохнут быстрее. Натка отказалась:

- Мама велела гулять около дома. Она меня потеряет, расстроится.

Закировы ушли.

Вскоре без всякого одеяла примчалась Ольга.

- Ты что так долго? – возмутилась Натка.

- Я платье утюгом сушила. А тебя Генка искал. Надька, побежали домой, мама с Зинойшкой пришли! – скороговоркой выпалила Ольга.

Натка осталась одна. Что делать? Трясаясь от холода, натянула сырую одежду и обречённо поплелась домой. Со двора зашла в тёмные сени. Услышав, что в комнате поют под баян, приоткрыла дверь, незаметно прошмыгнула через кухню в детскую и съёжилась в уголке на кровати. Гости ещё немного посидели и стали прощаться. Родители вышли их проводить.

Натка метнулась в спальню, схватила домашнее платье... Тут её и застала мама. Пришлось рассказать о неудачном плавании. Мама быстро растёрла и передела дочь. При этом она отчитывала Натку за то, что ушла от дома, не думает своей головой, долго мёрзла на берегу.

- Какая из корыта лодка?! Заболеть хочешь?! Ты же посинела совсем! – восклицала она.

В этот момент явился Лёня и попал под горячую руку.

- Всё вы со своими выдумками! – напустилась на него мать. – На плоту они будут плавать! А девчонки, глядя на вас, решили на корыте! Смотри: вся мокрая пришла!

Щёки у Лёньки раздулись, внутри что-то заклокотало и забулькало, как в закипающем самоваре. Он резко повернулся и выскочил обратно в сени. Оттуда раздалось странное кудахтанье: «на ко-ко-ко-рыте!». Хлопнула дверь во двор, и мама с Наткой услышали залиvistый хохот.

- Гляди-ка, он ещё и веселится! – продолжала возмущаться мать. – Ладно, хоть не утонул никто! Да, на корыт - кхе-кхе...

Она подозрительно закашлялась, торопливо ушла в комнату и с шумом стала убирать посуду со стола.

Наткиным подружкам повезло больше. Дядя Коля Рябинкин вечером, пока тётя Аня доила козу, без лишних вопросов вытащил корыто, разъяснив дочерям, что под тяжестью воды его вес сильно увеличился, самим девчонкам не поднять.

Закировых около бани увидела бабушка, но родителям не сказала, просто принесла Венере сухую одежду.

Все радовались, только у Натки глаза были на мокром месте. Мама её отругала, Генка с Лёнькой дразнили «капитаном с разбитого корыта» и крутили пальцем у виска. Услышав о Наткиных бедах, Ольга Рябинкина её же и обвинила:

- Так тебе и надо! Зачем разболтала про корыто? Теперь твоя мама нажалуется нашей, и нам влетит! Надо было, как Венерка, сказать, будто нечаянно упала в воду.

Но больше всего огорчало Натку, что её красивый наряд никто уже не увидит. Как ни стирала мама, вернуть платью белизну не удалось, лёгкое подсинивание сделало его грязно-голубым. Пришлось развести синьку погуще.

Покрашенное платье Натка первый раз надела летом для поездки в город за школьной формой. Она подошла к зеркалу и остолбенела. Вроде все складочки, оборочки и гипюровые дырочки остались на месте, но выглядело платье не нарядным, а мрачным и старым.

Заметив потрясение дочери, мама напомнила сердито: «Зато на корыте поплавали!». Натка знала, что сама виновата, поэтому изо всех сил старалась не заплакать. Даже покупка школьной формы и чудесного белого фартука её не утешили. Тогда мама пообещала из остатков белого гипюра сшить к испорченному платью воротничок и кармашки, что сделает его красивее, чем прежде. Девочка сразу повеселела.

Планам опять помешала вода. Возвращаясь домой, мама с дочкой попали под дождь. По рукам и ногам Натки с платья побежали синие ручейки.

Синьку с кожи еле-еле оттерли в бане мочалкой. Пришлось признать: красоту платю не вернуть, его и носить-то нельзя. Осталось только, как сказала мама, «выкрасить да выбросить».

Вот так безвременно и бесславно пропал Наткин праздничный наряд и закончилось судоходство на пожарном водоёме.

Каравашкова Наталья Петровна: 08.01.1953., г. Гремячинск. По настоянию мамы окончила медицинское училище и по распределению приехала в Ординский район. Позднее закончила филологический факультет Пермского педагогического института. Много лет преподавала русский язык и литературу в Ординской школе. Сейчас на пенсии.

Татьяна Михальцова

За край села кайма зари упала,
Там разлилась, окрасив косогор...
Наш старый клён задумался устало,
Облокотясь на старенький забор.
Ночь наступает. Спит село родное,
С усталых плеч свалив заботы дня.
Лишь нарушая тишину порою
Сверчки звенят в крапиве у плетня.
Спустилась ночь к дремучему оврагу,
Зажгла на небе первую звезду,
Пишу, роняя строки на бумагу
Про милое селение - Орду.
Мне здесь впервые росы мыли ноги,
Поил родник, кормила мать-земля...
Отсюда круто дальние дороги
Из детства в юность увели меня.
К истокам тем, пробившись через годы,
Меня воспоминанья привели,
Встав на колени пью живую воду
Моей родимой матери-земли.

К истокам

Когда на небе звёзды хороводами,
И память позабыться не даёт,
Стихи захлёб пишу о малой
родине,
Той, что всегда меня к себе зовёт.
О том, как моё детство босоное
Катилось по деревне кувырком,
А бабушка моя, совсем не строгая,
Меня встречала вкусным
пирожком.

Михальцова Татьяна Юрьевна:
1957 г.р., с.Орда. Пенсионер. Живёт
в г.Ярцево Смоленской обл.

Пичугина Татьяна Леонидовна

Дом родителей

Деревня Мокрое Поле

Я иду неухоженным полем
По дороге пророс березняк...
Вид деревни заброшенной скромн,
А вокруг неуёмный сорняк.
Моя душа над Мокрым полем
Рыдает, ливнями шуршит.
Всех называет поимённо
Воспоминанья ворошит.

Родительский дом разобрали,
Фундамент с землёю сровняли.
С нахлынувшим чувством не слажу,
К родному местечку прильну,
И травку родную поглажу,
И вспомню деревню свою.
Строгость уставшего папы,
Бабушкин ласковый взгляд,
Мамины шаньги к обеду
Перед глазами стоят.
В сердце любовь сохраняя,
Часто бегу я во сне
Узкой тропой меж сугробов,
Детство, навстречу тебе.

Пишу о малой родине

Писать о малой родине не ново, и я пишу, уж как могу,
Я память о родимом Мокром Поле с любовью в сердце берегу.
Заброшенная деревенька стоит заросшая травой.
Но мы тебя, деревня детства, – запомнили совсем другой.
Весной в цвету черёмух и сирени, с ковром ромашек летним днём.
Ловили карасей в озёрах, уху варили всем селом.
И ягод полные лукошки под вечер приносили мы,
На Моховом мы брали клюкву, на Переменке – костяницу и грибы.
Чтоб выполнить работу в срок, трудились всей деревней вместе.
Умели веселиться, под гармонь частушки пели, песни.
Вот это всё, в душе хранимое,
Моя деревня, родина любимая.

Я хочу рассказать о тех деревнях, которые забыты-заброшены. Каждая деревня располагалась то над рекой на пригорке, то среди болот. А то посреди деревни большое озеро, сосновый бор, берёзовый лес красивый, как, например, «сколки» недалеко от Епиш. В каждой деревне был магазин оповский. В нём было самое необходимое. Хлеб привезут - пахло на всю деревню. Конфеты круглые, как мячики, в середине - повидло. Я этот запах и вкус повидла до сих пор помню. Или рыбу привезут в бочке, селёдку. Вскроют, а сверху жир белый. Расколупают этот жир и все покупают рыбу. А ещё на лошади в каждую деревню приезжал Шарафутдинов. Привозил свистульки, шарики, ленточки, платочки, петушки-леденцы, нитки, иголки. Ну и всю мелочь обменивали на тряпье, кости, шерсть, яички. Да это всё и в магазине принимали. А ещё по деревням ходил Данило. Где он ходил, его всегда кормили, так как он всегда был голодный и оборванный.

Его накормят, оденут, у кого что есть и опять идёт в другую деревню. В клубе показывали кино, билет стоил пять копеек.

У нас в деревне была ферма с телятами, воду на ферму возили на лошади с мохового болота зимой, а летом из болота. Конный двор. Лошадей было больше тридцати голов вместе с молодняком. Лисья и кроличья фермы, пасека, капустные рассадники. Сеяли лён, дёргали, ставили суслоны из снопов, сушили, мяли, зимой пряли. Излишки снопов возили на приёмный пункт в Ашап. Сенокосили вручную – ложки, овраги и ямки. Вставали друг за другом и начинали косить. Впереди вставали опытные косари, а кто ещё не успеваеет за ними, те занимали оберушник в середине в конце начинающих. А кто станет за опытным, да нет силёнки, так они могут загнать, и говорят: «Взялся за гуж – не говори, что не дюж». А ровные места косили косилкой на лошади. Докосят до обеда друг друга подгоняя, пообедают. В обеденный перерыв – кто отбивает косы на наковальне, кто заготавливает стожары и осочки для стога.

Сенокос святое дело
Удаль предков, как в бою.

Жаль литовка заржавела
Всё никак не отобью.

Женщины снопы с травой вяжут для дома, кто веники, ягоды собирают. А молодёжь, которая гуляла

до утра, во время обеда отсыпается. После обеда если нет высохшего сена, то снова косят. А если есть, то ворошат, гребут и подвозят к стогам, умётывают в стог. День отработают, собираются домой, грузят снопы с травой, вениками. Затянут какую ни будь песню. А дома столько работы! Это ладно у кого есть бабушки, то приготовят еду, постирают и детей спать уложат. А у кого нет, то на сон у них оставалось очень мало времени – прилягут, а уже запели петухи и опять на работу. Отец и Кобелев Николай придумали, как плести верёвки из ниток льна и из мочал. Липняк осочки рубили в согре, драли лыко, мочили, в болоте очищали от коры, получалось хорошее мочало. Отец плёл лапти, делал бочки, корзины из виц ивы и черёмухи, клал печки, точил веретёшки, делал лыжи, санки, скамеечки нам с горки кататься. Все шкафы в доме сделал сам, ходил на охоту. Бабушка Лукерья нам говорила, что отец пошёл лесовать. Приходил всегда с добычей. В основном были зайцы – русаки. У них были такие мягкие

хвостики. Нам в каждую варежку ложили по хвостику и было так тепло от них. А ещё отец любил рыбачить. Вязал сети и ловил рыбу.

Январская свадьба

Было это в январе 1953 года в деревне Мокрое Поле. У мамы брат, он служил 25 лет в Москве военным. В деревне у него была девушка, мамина подруга, Фуса Никонова. Но он расписался - поженился на московской, из деревни к ним никто не приезжал. А вечеринку-свадьбу устроили в деревне. Гуляли, пели, и в это время мама моя тоже «загуляла» – схватки. Отец её повёз в Орду в роддом на лошади. Мороз в 53 году был очень сильный. Привёз до больницы, и только в неё зашли, тут же мама родила прямо в коридоре. Сима Меньшикова приняла и сказала: «Надя, у тебя чуланная выгрузка». Так она называла у кого рождались девочки. Это родилась я, Татьяна.

И пели и плакали

В конце пятидесятых годов 9 мая очень ждали этот праздник. В памяти это было очень болезненно. Все были у войны в плену памяти. Живы были те матери, которые отправили на войну своих детей и не дождалась. Готовились с вечера, заводили тесто на селянки и пироги. Это тесто было памятью тех, кто не вернулся, со слезами и молитвой. Утром вспоминали, плакали, пели песни, частушки, анекдоты рассказывали про Гитлера. Старенькие сидели у своего дома на завалинке. Они потеряли своих детей и родных, и все плакали. А мы, маленькие, идём по деревне, дошли до бабушки и дедушки. Под окном на скамейке сидела бабушкина мама и плакала. У неё ушло 4 сына на войну и никто не вернулся. А в руках у неё фотография, где вся семья была вместе. И так весь день: то плачут, то песни поют. За годы войны было призвано 29 человек, 6 пропали без вести, 15 убиты и умерли от ран, 8 человек вернулись. Среди них Южаков Семён Иванович вернулся без ноги, Феденёв Иван, папин брат, вернулся слепым.

Пичугина Татьяна Леонидовна родилась 24 января 1953 года в деревне Мокрое Поле. Работала зоотехником в колхозе «Правда». Пенсионер.

Владимир Басанов

Толчая

Тополь на пустынном косогоре,
Землю озирает с высоты.
Толчая, скажи, с какого горя
Круглой сиротой осталась ты?
Только ветер носится по ямам,
Только ворон каркает в ветвях.

Где твои Егоры и Ульяны,
Во каких чужбинах и гробах?
Нет ни знака, ни живого слова.
Только пустота. И сверху – бог.
Кто, скажи, к тебе вернется снова?
По какой из четырёх дорог?

28 мая 2013г.

Елизавета Путилова
Степашка (рассказ-быль)

Произошёл у нас в деревне однажды очень печальный случай.

Раннею весной, вернувшись из дальних стран, на берёзе у дома грачи свили гнёзда и уже вывели грачат. Вдруг один грачонок выпал из гнезда. Первым его увидел ястреб, что кружил в небе над деревней. Когти свои выпустил, вот-вот схватит его. Да только наша собачонка Жучка птенца тоже увидела, да как бросится на защиту! Ястребу прямо в лапы попала, а грачонок спасла. Схватил он Жучку и полетел, бог знает куда.

Я в огороде была. Прибежала, грачонок принесла домой. Сделала в коробке мягкий настил, птенчика туда положила. Лежит он в коробке, глазёнки свои пучит. Я стала его творогом да яичком, как цыплят, кормить. Смотрю, у него лапка повреждена. Тут тётя Маруся пришла, взяла его в руки, лапку вправила, бинтом перевязала. Через некоторое время он забегал так, что не догонишь. А Жучка наша, маленько погодя, домой вернулась. Как уж она из лап ястреба вырвалась, одному богу известно! Только вся спина у неё была в ранах, голова пробита, думали, не выживет. Положили её на подстилку. Тётя Маруся сала гусиного принесла, смазала раны и забинтовала. Жучка только хвостом виляла да руки ей языком лизала. Грачонок к Жучке так привык, что спал вместе с ней и ел из одной чашки. А как на улицу выскочат – такую чехарду устроят – смех да и только! Звали мы нашего грачонок Степашкой. Я утром пойду козу доить – он тут же из чашки молоко пьёт. На плечо сядет, из ладони семечки клюёт. Всё семейство его тут как тут. Зерно клюют вместе с цыплятами, ни одного цыплёнка не обидели ни разу. За лето наш Степашка вырос, превратился в гордую, величавую птицу. Ходил по двору гоголем. Жучку вместо мамы держал. Однажды он придумал её летать учить. Вот была потеха. Перелетит он с берёзы на берёзу, она чуть не на метр за ним прыгает. Летает над прудом со своей стаей, а Жучка за ним в пруд ныряет. Одно хорошо, что она плавать умела. Вся деревня смеялась над ними. Жаль, что лето быстро пролетело. Пришла пора улетать Степашке. Стая с пронзительным карканьем долго кружила над домом, затем, зазывая Жучку, пролетела низко-низко, дав прощальный круг, улетела на юг. Жучка так скулила, бежала за ними долго. Вернулась домой на следующий день. Она по Степашке так скучала, так скучала, долго ничего не ела, потом с грехом пополам, начала есть.

А Степашка стал прилетать к нам со своей стаей каждый год.

*Путилова Елизавета Ивановна:
1965 г.р., д.Грибаны, пенсионер*

Пахтусов Александр

Я вернулся в родительский край
Из далёкой холодной чужбины.
Покосился наш старый сарай,
Одиноко алеет рябина.
Над оставшимся в поле зерном
Вьётся воронов хриплая стая,
И меня зацепила крылом
Осень синяя и золотая.
Ах, как краток оставшийся миг,
Мне б пройти по серебряным
росам.
От того и бреду напрямик
Через поле к родимым берёзам.
Прошепчу им земные слова
И пред вечностью тихо растаю,
Но звенит и звенит синева,
И кружится метель золотая.

Окна накрепко заколочены,
Все уехали, бросив дом.
Бродит ветер пустыми ключьями
Под небеленым потолком.
Матерщиной ворота мечены,
Двери с петель сосед унёс.
По-ребячьи, совсем доверчиво,
Смотрит старый хозяйский пёс.
Старичок ты мой, пёсик ласковый,
Да кого же тебе охранять?!
Твой хозяин отныне здравствует
По Садовой, дом номер пять.
Взять с собою тебя не отважился.
Да, неважные брат дела...
Умер дом... Ну а мне всё кажется –
Это Родина умерла.

Пахтусов Александр Иванович: 08.08.1953., с.Орда. С детства увлёкся поэзией и живописью. Влияние на формирование литературного вкуса оказала его школьная учительница литературы и русского языка Громаковская Янина Викторовна. В 1974 г. окончил Челябинское высшее военное авиационное училище штурманов. Работал на Крайнем Севере. В настоящее время пенсионер, живёт в Москве.

Сергей Татауров

Заметки с Косотуровки

В конце шестидесятых и начале 70-х деревня Косотуровка, в настоящее время улица Труда в Орде, в своём завершении к конному двору была пустынна. В конце её стояли два дома: Неппов и Саранцевых. Не доходя их, стояли стены двух мазанок, уже разрушенных. Эти мазанки были построены спецпоселенцами-немцами, завербованными в Орду. Позднее они все разъехались, и осталась одна семья бригадира Неппа. Так вот эти полуразрушенные мазанки и стали местом для игр всех пацанов округи. Там бывали славные войны и баталии, особенно после просмотра военных фильмов. Бежали сразу туда, прихватив свои деревянные автоматы.

К дому Неппов подходил проулок с улицы Советской и на углу проулка стоял вытянутый и большой, как тогда казалось, дом Давидовых. Иван

Игнатъевич Давидов работал в школе завучем. Был у них немаленький огород с широкой межей, на которой, помнится, играли в «вышибалы» братья Миша, Коля, Юра Давидовы и ещё ребята местные. И я там игрывал, и даже заслужил от кого-то из братьев Давидовых прозвище «гибучий». Почему «гибучий»? А потому что ловко увёртывался от меча, уже точно летевшего в меня. Гибкое движение и летит мяч мимо, не задевая. Играли в лапту. Но был ещё двор у Давидовых – большое место под тополями, где мы тоже играли. Миша был старше всех нас. Он увлекался спортом, прочитывал от корки до корки журнал «Советский спорт», читал литературу о спорте, знал фамилии всех известных спортсменов, следил за их спортивными результатами. И устроил он чемпионат по тяжёлой атлетике. Штанга была деревянной, а блины на ней – это распиленные диски из брёвен, с дырами посередине. Несколько досок служило помостом. И очень всё это Миша эмоционально вёл: комментировал с криками, хлопками, с записями в таблицы, вызовом по списку, с попытками. А Коля-брат, поддерживал и театрально кривлялся, подходя к штанге... Коля стал потом «суворовцем» и приезжал в форме, вызывая восторг местных ребят.

Рисунок С.Татаурова из книги «Сто страниц детства» А.В.Олегова

Дом Давидовых мне тогда казался весьма шикарным, ну в сравнении с убогой обстановкой своего жилья. Мебель, шторы, картины (наверное, репродукции), а двери филенчатые. И были в доме большие сени, где стояли книги. Запомнились мне там тетради с очень аккуратными рисунками, где нарисованы солдатики, офицеры с чёткими погонами. И тянуло меня в этот дом необычайно! В ограде обитала с рыжими пятнами собака по кличке Бобик. Однажды этот Бобик распух и оценился, и это долго забавляло всех ребят. Запомнилось, что один раз этот Бобик сильно напугал меня, и мама Давидовых поила меня водой, и успокаивала.

Миша, как старший, оттачивал на мне свои спортивные познания, организаторские способности, часто выступая моим тренером. В лесу, что когда-то был у свинарника густым и тёмным, устроен был стадион. Поставлены ворота, прокопаны линии поля, вратарской, штрафной площадки и засыпаны опилом, что притащили с пилорамы из леса за дорогой. Была тут устроена яма для прыжков в длину и в высоту. Так вот

по этим дорожкам Миша гонял меня и после назначенных кругов отсчитывал пульс. После этого говорил: «Отдыхаем... и бежим ещё четыре круга». Регулировал темп бега: «Быстрее... Помедленнее». И были эти тренировки не однажды. С околотка собирали ребят и устраивали соревнования. И, конечно, были тут соревнования по лёгкой атлетике: бегали, прыгали в длину, метали копье. И Миша тут же со списками, куда записывал наши результаты, командовал, комментировал попытки, часто называя нас именами мировых спортсменов-легкоатлетов. Очень часто играли в футбол. Миша иногда судил, иногда и сам играл. Один из ребят не играл, а залезал на большую ёлку и выступал в роли комментатора. Для футбола находили места и в деревне, иногда и не очень ровные. Играли и на пашне... Разве это можно забыть?

29.08.2018

Давидов Михаил Иванович - после окончания Ординской школы закончил с отличием Пермский медицинский институт. Кандидат медицинских наук, доцент, врач высшей категории, автор 545 научно-медицинских работ по урологии и хирургии, трёх монографий, имеет шесть патентов на изобретения, член Европейской Ассоциации урологов, участник четырнадцати Международных конгрессов в Париже, Милане, Гаване, Стокгольме и др. В 2010 году включён в Энциклопедию известных людей России. Работает в Пермской государственной медицинской академии с 1984 года по настоящее время.

Член Пермской краевой организации Союза писателей России. Более восемнадцати литературных трудов опубликованы в журналах «Урал», «Уральский следопыт», «Москва», «Наука и жизнь» и других изданиях.

Татауров Сергей Владимирович: 16.06.1958 г.р., д.Первые Ключики. Образование среднее специальное. Окончил Свердловское художественное училище по специальности художник-оформитель в 1984 г. Живёт в Екатеринбурге. Псевдоним С.Мухинь.

Наталья Каравашкова

Мой дом – не крепость, не дворец и не мечта,
Вообще не лучший вариант на свете.
Но были в нём и счастье, и беда,
Семья и молодость, и выросли здесь дети.
Сейчас друзья, знакомые заходят иногда,
Родные, дети, внуки приезжают.
Бывает, редко правда, но сюда
Ко мне изменчивая Муза забредает...
И отовсюду возвращаюсь я привычно
На маленькую улицу села,
В мой скромный, старый дом обычный,
Где много лет я прожила.

Хабарова Анна Андреевна
Малая родина – деревня Голузино

Малая родина для меня – это любимая деревня, которая не заменит ничего на свете, которая дорога всем, кто когда-то жил в ней. Особые чувства испытываешь к ней, потому что здесь родился, вырос и жил. И теперь, когда живём в других городах и сёлах, но всё равно тянет сюда, в прошлое. В родную незабываемую деревню.

Я хочу рассказать о деревне Голузино, где жили предки моей мамы Безукладниковой Евдокии Матвеевны. В деревне были две семьи Безукладниковых (по двум братьям Григорию и Матвею), одни Григорьевичи, другие – Матвеевичи. Их связывала родственная дружба, и дома их стояли напротив.

Деревня Голузино – это обычная по тем временам деревня, расположенная на горе, где протекала не одна речка. И это было трудностью её существования. Глубокие колодцы были единственным источником воды. А жители все имели личные хозяйства. В 40-50-е годы прошлого столетия я гостила в деревне (в основном летом), и она запомнилась на всю жизнь.

Обдуваемая ветрами и «опекаемая» солнцем, она была жизнерадостной, неутомимой к жизни с её весёлыми, радостными праздниками. Весной и летом это цветущая деревня. В православные праздники деревня как бы преображалась. Молодые, празднично одетые, ходили по деревне не в одну «шеренгу», пели частушки, песни под балалайки и гармошки. Девушки в красивых старинных платках, а юноши в нарядных рубашках. Тут же были и гости из соседних деревень – Курилово, Серкино. В такие дни старшее поколение ходило вечером и утром на службу в куриловскую церковь. А мы, маленькие гости, ждали праздничного стола и угощения. Оно запомнилось на всю жизнь, хотя было простым, деревенским. Трудолюбивые, работающие (как бы сейчас сказали) люди населяли наши деревни. Большая, трудная работа в колхозе, и не менее трудная в своём хозяйстве.

Дом Матвея Михайловича стоял на краю крутого лога. Лог как бы делил деревню, но только до основной дороги по деревне. В этом логу, по сторонам, мы собирали ягоды, но ни разу не решились спуститься на его дно. Прекрасная природа окружала деревню. Запомнились некоторые улицы: Бараба, Ремково, Подгорная. Чтобы спускаться на лошадях из деревни вниз, нужна была дорога, которую не просто было проложить в горе. Когда-то предки жителей деревни сделали эту дорогу к низине, она называлась взвозом. По взвозу могли заехать на лошадях, а позднее на любом транспорте, в деревню. Сделать взвоз – это труд, наверное, не

одного поколения. А в низине текла маленькая речка и стояло несколько домов. Но однажды пришло несчастье – пожар. Он уничтожил большую часть деревни, и жители стали разъезжаться. А сейчас, говорят, один жилой дом. И сколько таких заброшенных деревень на Руси, не сосчитать?! А человек всегда тоскует по родным местам – ведь это его малая родина.

Февраль, 2018г.

*Хабарова Анна Андреевна: 17.09.1936., с. Орда.
Образование: сред. спец. Педагог. Стаж работы 38 лет в
школах Ординского района. Увлечение: шитьё, огородничество,*

Татьяна Феденёва

Вчера я видела во сне
Дом детства и лесок,
Крыльцо резное узнаю,
Покос наискосок.
Напротив речка разлилась,
Весь май она такая.
Знакомой тропкою к реке
Велосипед толкаю.
Там мостик – длинная доска,
Он в воду погрузится,
Едва ступлю я на него...
Ах, как хочу вернуться
К тебе, мой дом, тебя снесли,
На брёвна раскатали.
А речка чистая была,
Все камешки играли.
На месте речки камыши,
Кусты и сплошь болото.
Где огород был – там полынь.
А нас хоть помнит кто-то?

2016 г.

*Феденёва Татьяна Анатольевна:
07.11.1958., с. Сабарка Суксунского
района Пермской области. Образование
высшее (зоотехнический факультет
Пермского сельхозинститута).
Работает в ООО «СП Правда».*

*Стихи пишет с 11-12 лет. В 2010 г.
издан поэтический сборник «Я о любви
пишу стихи».*

Шляпников Василий Петрович

Моя малая родина

Помню свои детские годы. Мне 4 года. Началась война. Проводили отца на фронт. Мама осталась со мной и новорожденным сыном на руках в селе Опачёвка. Там отец с января 1941 года начал работать ветфельдшером. Осенью 1941 года мы переехали в деревню Казаково в родительский дом-избу, где я родился в 1937 году. Не далеко, в заулке, жили наши дед и

бабушка, колхозники пенсионного возраста. У них был большой огород, двор, крытый соломой, корова, овцы и несколько кур. С их помощью мы пережили военное лихолетье. Дед умер в марте 1945 года шестидесяти семи лет, не дождавшись с войны своего сына, моего отца. Мама по возможности работала в колхозе по найму, я помогал ей присматривать за братиком. Помню, как мама жала серпом рожь или пшеницу в удворной перемене. Это поле было за дворами (огородами) деревни Казаково до лога. Сейчас здесь целый микрорайон с. Орды с детским садом на улице Ясная. Она радовалась, когда бригадир Басанов Пётр Матвеевич давал распоряжение женщинам на уборку хлеба в удворной перемене. Я с братиком сидел на меже и плёл венки из васильков, чему научила быстренько мама перед началом жатвы.

Помню, как мама стояла во дворе на крыльчке вечером, смотрела на закат солнца, и сказала, что он красный, потому что там идёт война, льётся кровь. Только редкие письма отца с фронта успокаивали нас на некоторое время. Мама читала их вслух. Я запомнил на всю жизнь слова, которыми отец начинал свои письма: «Письмо на родину, родителям...» или «Привет из-за Дона...» и т.д. Я понимал, что мы живём все на Родине, здесь не страшно. А наши солдаты, наш папа где-то далеко...

Наконец наступил самый радостный, долгожданный день – день Победы, 9 мая 1945 года. Война закончилась, а проблемы остались... Проблемы с питанием, обувью, одеждой. Летом помогала нам их пережить родная природа, урожай на огороде, ягоды на Казаковской горе, грибы в ближайших лесах, а также рыбалка на речке Кунгурке, на пруду, на озёрах.

Начались школьные годы. Моей учительницей в Зареченской начальной школе была Михайлова Фавста Матвеевна. Я ей очень благодарен. Она прививала нам любовь к родному краю, стремление к учёбе, желание добиваться успехов в любом деле. Рассказывая о профессиях, она спрашивала, кто кем желает стать. Когда до меня дошла очередь, я сказал – учителем. Затем я продолжил учёбу в Ординской средней школе у прекрасных учителей. Щербинин Александр Семёнович учил по арифметике, был классным руководителем с 5 по 7 класс, участник Вов; Громаковская Янина Викторовна, учитель русского языка и литературы; Паутов Григорий Иванович, учитель физкультуры и военной подготовки, участник Вов; Михайлов Александр Матвеевич, учитель литературы в старших классах и другие. Благодаря им и нашим родителям, в то трудное послевоенное время мы с братом Георгием успешно закончили школу (я на 4 и 5, брат с золотой медалью). А позднее и наш младший «послевоенный» брат Миша окончил школу на 4 и 5. Все трое получили высшее образование, покинули родительский дом.

Давно уже нет в живых наших родителей и младшего брата. Мы с Георгием дожили до преклонного возраста. Периодически встречаемся, регулярно разговариваем по телефону. В сентябре 2015 года он с женой Людой приезжал на нашу малую родину. После окончания КАИ они проживают в городе Саров Нижегородской области. Ветераны труда, имеют государственные и отраслевые награды, звания. На Ординском кладбище поклонились могилам наших родных, близких, знакомых. Проходя по улицам Орды, её окрестностям, фотографировались у знакомых с детства мест. Вспоминали тех, кто жил в нашем Казаково в послевоенный период. Теперь живут здесь их потомки или чаще другие люди, как и в нашем родительском доме и в доме деда и бабушки. Старые дома, постройки преобразились. Много новых домов, целые улицы появились. А сколько зелёных насаждений, садов, как в центре Орды, так и в её окрестностях!

Вот и наш заулочек стал неузнаваем. Сейчас здесь начинается улица Леонова. Дом № 1 отремонтирован, расширен. В нём после возвращения отца с войны жили мы с родителями и бабушкой. Это была крестьянская изба на три окна с широкими лавками, русской печью, полатями и голбцем. В 1947 году здесь родился младший брат Михаил. В 1948 году

Георгий пошёл в 1 класс Зареченской начальной школы. Уроки учили при керосиновой лампе. В 1954 году Миша стал первоклассником, Георгий учился в 7 классе, а я в 10 классе. В это время уже было проведено электрическое освещение от местной электростанции (до 12 часов ночи), а затем и радио стали слушать. Мне особенно нравилось, когда передавали русские народные песни, лирические, военные. Многие из них я знал наизусть и напевал. Помню, на Казаковском пастбище пасли стадо коров с Виктором Кашиным и напевали песню «Ехал я из Берлина по дороге прямой. На попутных машинах ехал с фронта домой». Мы радовались, что наши отцы вернулись с фронта. Также пели «Летят перелётные птицы», «Широка страна моя родная» и др. В свободное время с разрешения родителей уходили «побегать в деревню», порыбачить, покупаться. Как-то летом с ребятами рыбачили с Казаковского берега около острова. К нам

подошёл незнакомый солидный мужчина, завёл с нами беседу, открыв коробку папирос «Казбек» и угостив нас ими. Видимо, он приехал из города на свою родину посмотреть, повспоминать своё детство, повстречаться с родственниками, знакомыми.

Шли годы, десятилетия. Исполнилась моя детская мечта стать учителем. Более 40 лет своей жизни в коллективе Суксунского СПТУ № 69 я посвятил делу воспитания и профессиональной подготовке кадров механизаторов для сельского хозяйства, в том числе и для Ординского района. После окончания Пермского с/х института в 1960 году я, получив направление на работу в Суксунское УМСХ № 5, приехал первый раз в Суксун. Посёлок мне очень понравился. Большой пруд, сосновая роща, горы, недалеко река Сылва, новый учебный корпус училища, прекрасный коллектив и, главное, от малой родины недалеко. Мне было поручено вести профориентационную работу в школах Ординского района в 60-70гг, пока был не открыт филиал нашего училища в Орде. Трудности возникали из-за отсутствия прямого сообщения между Ордой и Суксуном. Эту проблему я испытал, пока были живы мои родители в Орде. В 1974 году я оказался перед выбором: расстаться с училищем и переехать в Опачёвку для работы инженером в совхозе «Ординский» или остаться в Суксуне и продолжать заниматься своим делом. Я выбрал второе, мама одобрила моё решение. Пусть простит меня малая родина, что я не вернулся тогда, но большую любовь к ней я сохраню до конца своей жизни. Суксун мне тоже не чужой, здесь живут мои потомки, здесь их малая родина.

9 февраля 2018г.

*Шляпников Василий Петрович: 14.01.1937, с.Орда.
Образование высшее. Трудовой стаж - 40 лет в Суксунском
СПТУ № 69 преподавателем, зам. директора по УПР.*

Татьяна Южакова
Бумагомарака

Вот уже три с половиной года, как я гордо называю себя журналистом. Хотя писать в нашу районку я начала еще двадцать лет назад. Звучит внушительно! Я училась в 1 классе и вместе с двоюродной сестрой сочиняла стишки и частушки в газету. В то время за это платили гонорар. Нам – начинающим «поэтам» денег на свои нужды – конфеты и жвачки – вполне хватало. Это дело мы даже поставили на поток. Сочиняли до 10 стишков за вечер. Всё происходило так: на разлинованных страницах школьного дневника мы строчили четверостишия, тему выбирали, как говорится, тыкая пальцем в небо – река, лето, дети, зима, новый год, мама и прочее. Что вижу – то пою!

Свое первое стихотворения я сочинила где-то в 6 лет. И записала его ни куда-нибудь, а в дневник брата на какую-то среду. Может быть, именно после этого записывать стишки мне нравилось именно туда. Помню, как я старательно выводила печатными буквами, конечно, с ошибками, куда без них, свои первые стихи:

Рано утром очень рано
Вышла на крылечко Яна.
Видит девочка, что тут
Гусак, утка и петух.

Потом желание складывать строчки в стихи утихло. Снова сочинять я начала в 2001 году, когда лежала с ОРВИ в детском отделении. Там я познакомилась с одной девочкой, которая писала стихи о любви. Я крепко ей позавидовала. Думаю, а я чем хуже!? Мы начали сочинять стихи в соревновательной форме, а вечерами устраивали поэтические чтения. Ох и нахваливали же мы друг друга. А как иначе! Ты не похвалишь – тебя не похвалят!

Спустя 17 лет я продолжаю писать стихи, их даже иногда публикуют в нашей газете. Вот только гораздо реже, чем мои журналистские материалы.

Никакой поэзии – одна информационная проза...

04.12.2017

Бабушке А.С.Южаковой

Я приехала, так, без причины.
Ты не плачь, дай мне руку свою.
Поцелую ладони, морщины
И волос твоих седину.
Ты ждала меня, знаю, молилась.
Всё смотрела в окно и ждала.
А сейчас, как дитя, прослезилась
И стыдливо глаза отвела.
Ты к подаркам моим равнодушна:
Всё ворчишь, что они не нужны.
И сильнее взбиваешь подушку,
Чтобы снились мне добрые сны.
Я приехала, так, без причины,
Не затем, чтобы совесть унять.
Мы попьём с тобой чаю с малиной,
Есть что вспомнить
и что рассказать.

Как теплы и добры твои руки,
Как светла и свята твоя грусть.
Ожидание – сильнейшая мука.
Жить и думать, вернусь – не вернусь.
Спать уложишь, как в детстве, целуя,
Тихо локон откинешь с лица.
А на утро, печали минуя,
Своего испечёшь пирога.
Перекрестишь меня на дорожку,
Не пойдёшь за порог провожать.
Лишь посмотришь мне вслед
из окошка,
Чтобы снова с тревогою ждать.
Я приеду к тебе, обещаю,
Я приеду к тебе навсегда.
В дом, где верят в меня, где прощают,
В дом, где любят и помнят меня.

Спит дочка клубочком,
Спит кошка клубком.
Миндальные щечки
Целую тайком.
Мурлыкает кошка,
Вздыхает Варюшка –
Я дочке тихонько
Поправлю подушку.
Мохнатый клубок
Распушит свои лапки,
Секунда и прыгнет
К Варюше в кроватку.
Пусть спят, я не буду
Ее прогонять.
И Варе с Маруською
Нравиться спать.
Вот дочка опять
Лепечет сквозь сон.
Раз... На бок другой
И под щечку ладонь.
Что снится дочурке
Я утром узнаю,
Расскажет пока
Я косу заплетая.
Спит дочка клубочком,
Спит кошка клубком.
А я посижу, помолчу, попишу –
О многом, но, в общем-то,
 всё об одном.
О Варе, о лире, о вере...

Здравствуй, детство!
Здравствуй, мама, ещё не седая!
Хлеб из печки баба Нюра несёт
 причитая.
Старый кот, словно сказку
 мурлыка читает,
Как люблю это всё вспоминать я...
Так люблю...
Здравствуй, детство!
Здравствуй, добрая милая мама!
Здравствуй, кукла,
Мною брошена ты слишком рано.
Здравствуй, двор!
Ты хранишь в себе память о детстве,
О друзьях, что живут по соседству,
Нас хранишь...

Южакова Татьяна Александровна:
14.01.1989 г.р., с.Орда. В 2004 г.
закончила Ординскую среднюю школу.
Корреспондент районной газеты
«Верный путь», студентка филфака
ПГНИУ, направление «Журналистика».

«...Нигде больше не видел такой ясной, простой, законченной целесообразности, как в жилище деда-крестьянина, таких естественных, правдивых, добрых, в сущности, отношений между людьми там. Я помню, что там говорили правильным, свободным, правдивым языком, сильным, точным, там жила шутка, песня по праздникам, там много, очень много работали. Собственно, вокруг работы и вращалась вся жизнь. Она начиналась рано утром и затихала поздно вечером, но она как-то не угнетала людей, не озлобляла - с ней засыпали, к ней просыпались. Никто не хвастался сделанным, не оскорбляли за промах, но - учили...

Я думаю, что русского человека во многом выручает сознание этого вот

- есть ещё куда отступить, есть где отдышаться, собраться с духом. И какая-то огромная мощь чудится мне там, на родине, какая-то животворная сила, которой надо коснуться, чтобы обрести утраченный напор в крови. Видно, та жизнеспособность, та стойкость духа, какую принесли туда наши предки, живёт там с людьми и поныне, и не зря верится, что родной воздух, родная речь, песня, знакомая с детства, ласковое слово матери врачуют душу».

Василий Шукшин

